

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ

А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ»

© 2008 Ю.Ю. Фролова

Воронежский государственный педагогический университет

В романе «Тысяча душ» А. Ф. Писемский по-своему трансформирует поэтиче-ские закономерности сентиментализма. В сентиментальной традиции выдержан и хронотоп произведения.

Опираясь на теорию хронотопа, выдвинутую М. М. Бахтиным, ученые полагают, что оформившийся в XVIII в. сентиментальный хронотоп, приобретая характеристики новой культурно-временной реальности, включает ярко выраженные архе-типические черты идиллического хронотопа.

Сюжет «Тысячи душ» разворачивается в провинциальном Энске (1, 2, 4 час-ти), лишь в третьей части действие происходит в Петербурге. Локус уездного город-ка является исходной составляющей в жизни Настеньки, Петра Михайлыча и капи-тана. В начале повествования пространство сужено до размеров дома Годневых (принцип приращенности жизни и ее событий к месту в теории Бахтина). Собствен-ное жилище для всех его обитателей – семантически значимо. Оно осознается «чувствительными» героями как «свое», где все друг друга понимают и принимают, где дорог и необходим каждый. В замкнутом мирке (принцип пространственной огра-ниченности) царит особая атмосфера уюта, тепла, взаимопонимания. На психологи-ческом уровне «малый» мир Годневых, их домашняя жизнь пронизаны, пропитаны объединяющими, конъюнктивными чувствами [2, 75-76].

Во второй части романа автор несколько расширяет художественное простран-ство. События происходят в другой социальной среде – в доме генеральши Шевало-вой и имении князя Раменского. Семейной идилличности дома Годневых с атмосфе-рой радушия и взаимной любви противопоставляются взаимоотношения в доме генеральши, основанные на взаимном недоверии, отчуждении, лжи. Локус энской провинциальной элиты оказывается несовместим с «домашним» локусом сентимен-тальных героев.

Пространственно-семантическая оппозиция «свое» – «чужое» в романе реали-зуется и на идеологическом [2, 100-101] уровне, соответствуя философии просвети-тельства. Представители общественного «верха» в романе имеют статус приземлен-ных, заинтересованных только в материальных ценностях, в «тысяче душ». Они противопоставлены незнатным, но нравственным героям, составляющим «духовную элиту» современного автору общества.

Идея сословной и духовной «элитарности», степень приверженности героев к благам цивилизации обуславливает антитезу «естественное» (природное) – «искус-ственное» (городское) [3, 385-386]. Способность ценить прекрасное, наслаждаться природой и ощущать себя ее частью отличает непритязательную, но в то же время духовно тонкую личность, которой в полной мере соответствуют «чувствительные» героини сентиментализма. Для «чувствительного» героя природа – часть его внутрен-него мира. В связи с этим отмечается следующая тенденция: если материальное, внешнее пространство «малого» мира сентиментальных персонажей тяготеет к максимальному сужению, то «духовное пространство» мира внутреннего значительно обогащается за счет слитности с бытием природы. В то же время представители знати, склонные к роскоши, к поискам материальной выгоды, живущие ложными ценностями, находятся вне «пространства духа».

Не случайно в романе Писемского «сенти-ментальные» героини появляются вдали от шума и суевы больших городов (принцип сочетания человеческой жизни с жизнью природы). Сад для Годневых не менее важное и эмоциональ-но значимое пространство, чем дом. На лоне природы, в естественном пространстве («свой» мир) Настенька открывает душу Калиновичу, занимающему особое место среди персона-жей произведения.

До самых последних страниц романа он лишен «своего» пространства. Герой из разряда «перекачи-

поле», оторванный от конкретного пространственного локуса, внешне легко приживается на новом месте, потому что на старом его ничего не держит: у него нет семьи. Лишенность собственного Дома не только как физическо-го, но и семантического пространства (места, где тебя ждут и понимают) имеет психологические последствия – замкнутость и недоверчивость Калиновича.

Несмотря на его достаточно заметный социальный статус зрителя училища, местная элита не торопится ввести молодого чужака в свой круг. Чтобы стать с представителями здешнего привилегированного круга на одну ступень, надо обладать «тысячей душ». «Чтобы успевать в жизни, видно, надобно не кандидатство, а искаительство и подличанье, на которое, к несчастью, я не способен» [4, 74], – сознает герой.

Единственный дом, где Калиновича встречают тепло, – дом Годневых. Их «малый» мир на какой-то момент становится для героя «своим». Но вторгнувшийся в идиллическое пространство Годневых Калинович оказывается не способен поддерживать психологическую атмосферу уюта, сочувствия, любви, дарить те же эмоции, которые адресуются ему. Герой, зараженный глениным духом «большого» мира, вносит дисгармонию в «малый» мир Годневых. Он индивидуалист по природе, поэтому самость берет верх над конъюнктивными чувствами «малой» группы. Калинович как воплощение идеи «раздробленности» оказывается в оппозиции к «чувствительным» персонажам, руководствующимся принципом «цельности», «единства» [2, 102].

Локус первоначально обозначенного пространства (дом Годневых – Энск) становится все «теснее» по мере роста амбициозных претензий героя – добиться славы и богатства. Отказавшись от любви и семейного счастья, Калинович отправляется в Петербург, где, как ему кажется, могут реализоваться далеко идущие честолюбивые планы. Устав от бесплодной борьбы на честном поприще, Калинович решает на сделку – женитьбу на генеральской дочке Полине, за которой числится богатое приданое. Этот шаг дает герою возможность устроиться комфортнее, но не способствует душевной гармонии. На психологическом уровне отношения в новой семье характеризуются разъединяющими чувствами: ничто не держит молодого новобрачного там, где нет тепла и любви. Отчетливо прослеживается здесь и идеологическая составляющая художественного пространства, которая реализуется в противопоставлении мира предметного и мира духовного (пьянящая роскошь, с одной стороны, и душевная пустота, черствость, с другой).

Только сполна погрузившись в «чужую» стихию, Калинович прозревает. Он рад отдать «всю

эту ветошь маскарада» за то, чтобы оказаться в кругу любящих и доверяющих ему людей. И опять Писемский трансформирует художественное пространство, вновь сужая его до уездного Энска, куда герой назначен вице-губернатором, а потом до «малого» мира Годневых. Символическая концовка романа, когда измученный жизненными перипетиями Калинович встречается с Настенькой. Только вторично войдя в семью Годневых, он обретает там Дом. Невоплощенная в первой половине романа сентиментальная модель бытия становится возможной, когда Калинович, отказавшись от своего тщеславия, хочет и может довольствоваться ценностями «малого» мира. М. М. Бахтин, исследуя особенности хронотопа сентиментального романа, замечает, что часто «движение романа ведет главного героя из большого, но чуждого мира случайностей к малому, но обеспеченному и прочному родному мирку семьи, где нет ничего чужого, случайного, непонятного, где восстанавливаются подлинно человеческие отношения» [1, 381].

Цикл жизни главной героини тоже вполне вписывается в рамки сентиментального хронотопа, когда, отрываясь от «малого» мирка, Настенька отправляется в чуждый ей «большой» мир вслед за Калиновичем и проходит там серьезную школу «воспитания чувств». Обретя новый опыт жизни в «большом» мире, обогащенная им героиня в поисках тепла, понимания, сочувствия возвращается в «свой» уголок, свою семью. В «жизненном путешествии» Настенька совершает полный круг, но этот круг разомкнут. Героиня выходит на новый виток своего развития, совершающегося по спирали. Однако, по законам сентиментализма, временный разрыв героя с «малым» миром не проходит бесследно. Тяжкая расплата за уход из Дома – смерть отца, не пережившего разлуку с дочерью. Трагичность этого события для Настеньки все-таки смягчается полнотой переживаемых чувств, сберегаемых в сердце навсегда. Для «чувствительного» персонажа богатство переживаний, способность на глубокие чувства и есть условие, помогающее изжить утрату, сохранив любовь и память. Способность возвращаться к воспоминаниям о счастливых моментах прошлого дает Настеньке силы перенести и любовный крах.

На последних страницах романа отношения Настеньки и Калиновича соответствуют сентиментальной концепции любви, предполагающей взаимодействие с тем, с кем существует нравственная связь. Настенька больше не мечется между Калиновичем и родными. Остепенившийся Калинович более симпатичен Флегонту Михайлычу, который, искренне желая счастья племяннице, готов простить и принять Якова Васильевича в семью.

Хотя финал и выдержан в соответствии с сентиментальной традицией, но идиллическим его не назовешь. «Сломанный нравственно, больной физически, Калинович решается на новый брак единственно потому только, что ни на что более не надеялся и ничего более не ожидал от жизни...» [4, 468]. В финале Калинович уже не тот прагматик, как в первых частях романа, но и к безмятежному идиллическому счастью он не готов. Причина тому – метаморфозы, произошедшие в нравственном мире героя. «Сломленный нравственно», герой уже не может вполне про-никнуться гармоническим состоянием мира.

Пережив разочарование в сентиментально-романтических взглядах, Настенька тоже не вернется к идиллической радости и спокойствию сентиментального бытия. Именно поэтому ни Калинович, ни Настенька, по словам повествователя, «не при-стали в мирную пристань тихого семейного счастья» [4, 468].

Только капитан Флегонт Михайлыч, личность гордая и рыцарски благородная, сохраняет цельность натуры и верность своим убеждениям и принципам. В его внутреннем мире нет никаких потрясений. И именно он, в полной мере способный оценить богатство «малого» мира, «наслаждается жизнью» [4, 469], находя утешение в домашней повседневности.

Итак, основные составляющие хроно-топа романа «Тысяча душ» – прикреп-ленность/неприкрепленность к определенному

локусу, пространственная оппозиция «свое» – «чужое», нарушение локальной замкнутости «малого» мира посредством вторжения в него «инородной силы» (Калинович) и ухода «чувствительного» героя (Настенька) из Дома в «большой» мир, спиралевидная концепция духовного роста и возмужания героя с последующим возвращением в «малое» пространство – выдер-жаны в традициях сентиментализма и во многом обуславливают характеры действующих лиц. Такой «симбиоз» предромантизма (сентиментализма) и критического реализма у Писемского – отражение действительной сложности бытия, к постиже-нию которой автор приступает, вооруженный опытом предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
2. Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма / М. В. Иванов. – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1996. – 336 с.
3. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб., 2002. – С. 383-445.
4. Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский // Собр. соч.: В 9 т. – М.: Правда, 1959. – Т. 3. – 474 с.